

Все против всех

Понятия «холодная война» или «горячий мир» для нынешней глобальной борьбы слишком устарели

Райнхард Крумм | 02.07.2018

Вместо разрядки почти повседневно наблюдается рост напряжения со всех сторон

Читайте также эту статью на [немецком языке](#)

Понятия необходимо подбирать точнее. Обращение к прошлому и применение старых понятий к новым обстоятельствам не способствуют остроте нашего взгляда на них, а скорее делают его растяжимым. Новые обстоятельства требуют новых подходов к решению проблем, а значит, и новых определений.

Невзирая на это, никто не проявляет желания отказаться от понятия «холодная война». Особенно в США. Ученый Роберт Легволд пишет о «возврате к холодной войне», его коллега Евгений Румер – «о холодной войне в стиле XXI века». А вот Майкл Макфол дал своему недавнему отчету о деятельности в должности посла США в Москве понятийно противоположное название: «От холодной войны к горячему миру».

Понятие «холодная война» вошло в обиход после Второй мировой войны. Это было время охватившего весь мир идеологического конфликта между Советским Союзом с его коммунистическими соратниками и США, западноевропейскими странами и их союзниками. При этом в течение длительного времени в борьбе за доминирующее положение в мире не исключалось и применение ядерного оружия. С исторической точки зрения это время охватывает период с 1947 года, когда президент США Гарри Трумэн пообещал помощь государствам, которым угрожала опасность советской агрессии, и до падения Берлинской стены и последующего распада Советского Союза.

Увидеть разницу в сопоставлении с XXI веком не составляет труда. В данном случае речь не идет об идеологическом или экономическом конфликте. На первый взгляд, одной противоборствующей стороной является Россия, а другой – США, страны ЕС, а также Грузия и Украина в качестве государств Восточного партнерства. Остальной мир, кажется, лишь наблюдает за происходящим – с раздражением, опасением, или как в случае с Китаем, с улыбкой на лице.

Согласно стратегии нацбезопасности США, военные конфликты не исключаются

На самом же деле круг участников стал шире. Ведь система безопасности и ее основы во всем мире дали трещину. Исчезает понимание многополярного мирового устройства, опирающегося на ценности, нормы и идею безопасности на основе сотрудничества во имя устойчивого мира, а также таких его институциональных структур, как Организация Объединенных Наций (ООН) или Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). К тому же каждый смотрит на другого, как на утратившего ведущую роль и значение в плане обеспечения будущего мирового порядка. Как гласит доктрина безопасности США, при этом не исключаются и военные конфликты.

И вот крупные, сильные в военном или экономическом отношении государства готовятся к новому миропорядку, который в их ошибочном понимании означает завоевание как можно лучших позиций: США желают сохранить за собой свою доминирующую роль, Китай и Россия стремятся к многополюсному миру. Эпоха окончания соперничества между какими бы то ни было идеями, провозглашенная после 1991 года, длилась всего 25 лет, потому что за эти годы изменилось соотношение сил между США, Китаем, Россией, ЕС и другими государствами.

США при Администрации президента Трампа делают ставку на национальные единоличные действия, хотя страна, доминировавшая до сих пор, должна была бы собственно разделить свою лидирующую роль в изменившемся мире с другими. Китай, которому не в последнюю очередь благодаря инициативе «Один пояс и один путь» удалось обрести достаточно сильное экономическое влияние в мире, наверняка захочет еще более расширить его. Он примеряется к выгодной ему системе глобальной торговли. Россия в условиях авторитарного правления, хотя и осознает свои слабые места, но желает вернуть себе лидирующую роль, принадлежавшую ей во второй половине XX века, не только по причине своих размеров, но с опорой на военную силу. Евросоюз ощущает свою экономическую мощь, однако на переломном этапе с жизненно важными вызовами все же проигрывает политическую конкуренцию в сфере безопасности. ЕС не хватает качественных игроков, хотя наличие таковых является очень важным для продолжения политики мультилатерализма.

Важным элементом была и остается надежная и боеспособная оборонительная мощь. Второй составной частью во времена «холодной войны» была «разрядка». Основоположник анализа «холодной войны» Джон Льюис Гэддис в 1983 году в одной из своих статей в журнале *Foreign Affairs* писал, какие условия должны были бы действовать для достижения мирного сближения: паритет в гонке стратегических вооружений, сворачивание идеологического противостояния, взаимная готовность к учету интересов другого, а также целенаправленное урегулирование препятствий, возникающих в этом процессе, в частности, плохой коммуникации, упорствующей бюрократии или возмущенной общественности.

Этих предпосылок больше не существует. Хуже того, вместо разрядки почти повседневно наблюдается рост напряженности со всех сторон. Доверие к заявлениям на государственном уровне утрачено еще в течение прошлой четверти века: с момента войны в Ираке, Югославии,

расширения НАТО на Восток, войны в Грузии, аннексии Крыма и военного конфликта на Донбассе.

Главная причина состоит в том, что цель, ради которой достижение разрядки было бы крайне необходимым для окончания конфликта, как бы он ни назывался, невозможно четко обозначить. Одного мира, похоже, недостаточно. Воссоединение Германии и примирение со странами Восточной Европы были причинами, породившими немецкую «восточную политику». Избежание угрозы ядерной войны стало причиной жестких переговоров о разоружении между США и СССР. Мир в Европе дал толчок процессу создания ОБСЕ, прошедшему после подписания в 1975 году Хельсинского заключительного акта, а также Парижской хартии 1990 года под лозунгом «За новую Европу». Нынче мы имеем дело с не менее острым конфликтом. Но он вовсе не воспринимается как таковой.

Великие державы абсолютно независимо от географического положения или нормативной ориентации все больше проповедают политику национального эгоизма

Какая именно цель преследуется сегодня? Что должно стать предметом переговоров? Где столь нужные темы, обещающие обретение взаимной выгоды? Ведь речь идет главным образом о конфликте Восток – Запад. На самом деле большие державы абсолютно независимо от географического положения или нормативной ориентации во все возрастающей степени проповедают политику национального эгоизма. Для них прежде всего важна способность защитить свой суверенитет в условиях крайне изменчивой международной системы и благодаря этому обеспечить стабильные рамочные условия для национального экономического и политического развития или же достичь подобного положения в объединении типа ЕС. Такие понятия, как «холодная война» или «горячий мир», не годятся для всестороннего описания этого конфликта. Речь скорее о глобальной конкурентной борьбе без обязательных для всех правил, которая лишь в Европе приобрела форму, казалось бы, давно знакомого конфликта.